КАМЧАТСКИЕ ССЫЛЬНЫЕ
≡ТАЙНАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ≡

С. И. ВАХРИН

МАСОНСКИЙ ЗАГОВОР

Часть V

БРАТЬЯ ГУРЬЕВЫ

Санкт-Петербург
Свое издательство
2017

УДК 929(093)
ББК 63.3(2Камч)
В22

Вахрин Сергей Иванович
В22
Масонский заговор : часть пятая. Братья Гурьевы. — Санкт-Петербург: Свое издательство, 2017. — 64 с. *(Серия «Камчатские ссыльные. Тайная история России»)*.

ISBN 978-5-4386-1395-4

© Вахрин С. И., 2017
© Свое издательство, 2017

Говоря по поводу дела о заговоре братьев Хрущовых и Гурьевых, историк масонства Олег Платонов пишет следующее:

«С масонскими заговорщиками Екатерина II сталкивается в первый же год своего царствования. Представители древнего дворянского рода братья Гурьевы Семен, Иван и Петр уличаются в заговоре в пользу Иоанна Антоновича, содержащегося в Шлиссельбургской крепости. На следствии выяснились определенная их связь с масонами Н. И. Паниным и И. И. Шуваловым, а также непонятная осведомленность об Иоанне Антоновиче и месте его пребывания (что держалось в строжайшей тайне). Заговорщики признавались: «Мы стоим за то, для чего царевич не коронован, а теперь сомнения у Панина с Шуваловым, кому правителем быть» *[Русский Биографический Словарь. Павел — Петр. Санкт-Петербург, 1902. Т. 13. С. 194]**. Преступники были сосланы на Камчатку и в Якутск».***

Любопытно, что в 1745 году охрана Брауншвейгской семьи в Холмогорах была поручена премьер-майору Измайловского полка Ивану Васильеву Гурьеву. Условия содержания узников были таковыми, что вымерла большая часть охранников, а гвардии майор чуть не удавился от тоски и уже на следующий год сдал свой пост.

Граф Дмитрий Гурьев,
министр финансов Российской империи

Впоследствии один из Гурьевых стал даже министром финансов империи и породнился с министром иностранных дел графом Нессельроде, жена которого, урожденная графиня Гурьева, была «злым гением» Александра Сергеевича Пушкина: «Политический салон жены министра иностранных дел Нессельроде тоже был местом встреч бывших масонов аристократов. Вел. Кн. Михаил Павлович называл графиню Нессельроде «Господин Робеспьер».

У графини Нессельроде в доме по-русски говорить не полагалось. «Дом русского министра иностранных дел был центром так называемой немецкой придворной партии,

к которой причисляли и Бенкендорфа, тоже приятеля обоих Нессельроде. Для этих людей иностранец Геккерн был свой человек, а Пушкин был чужой» *(Тыркова-Вильямс А. Жизнь Пушкина. Т. II. М., 2010. С. 407)* — эта масонская группировка и спровоцировала дуэль великого поэта с Дантесом.

Граф Карл Нессельроде, канцлер Российской империи

Если бы граф Гурьев не был масоном — ему было бы не сделать такой политической карьеры в России. Вот ведь какой парадокс…

Кто и почему был заинтересован в смене екатерининского правительства, если дворцовый переворот только-только произошел?

И вот тут-то мы должны знать, что цель происшедшего дворцового переворота заключалась вовсе не в восхождении Екатерины на российский престол, почему столь быстро и охладели ее отношения с Екатериной Романовной Дашковой и почему те кандидаты в правительство, которым через Дашкову было обещано это место, оказались ни с чем…

Императором должен был стать царевич Павел Петрович, воспитателем которого и был масон Никита Иванович Панин, замышлявший превратить Россию в конституционную монархию, то есть вернуть к замыслам Фика, которые на корню были уничтожены Анной Иоанновной, расправившейся с «верховниками» — членами Верховного Тайного совета, претендующих на собственную — олигархическую — власть в стране двух семей — Долгоруковых и Голицыных.

Масонство в России, по всей видимости, складывалось первоначально на основе противостояния самодержавию со стороны самой правящей фамилии, включающей многочисленные кланы, и Гурьевы впервые появляются (но не проявляются) в родстве с Нарышкиными: Прасковья Степановна Гурьева (о которой мы практически ничего не знаем) была женой двоюродного брата отца царицы Натальи Кирилловны Нарышкиной — Григория Филимоновича. Два его брата — Федор и Василий Филимоновичи были зверски убиты стрельцами в мае 1682 года во время восстания. Третий брат — Матвей Филимонович был первым «патриархом» Всепьянейшего собора.

Дети Нарышкина-Гурьевой тоже образовали любопытнейшие политические брачные союзы, которые в скором времени влились в масонские ложи. По крайней мере, нам известны:

Михаил Нарышкин (1669–03.03.1744), комнатный стольник царя, впоследствии камергер, женат на Ульяне Андреевне Колычевой (1675–1738). Имели 4 сыновей и 5 дочерей, их внук Василий Сергеевич Нарышкин, участник дворцового переворота 1762 года — генерал Нарышкин был женат на графине Анне Ивановне Воронцовой (12 (23) октября 1750–5 (17) мая 1805), старшей дочери графа И. И. Воронцова, внучке кабинет-министра Волынского.
Ирина (06.04.1671–21.06.1749), статс-дама, с 29 июня 1691 года замужем за князем Иваном Юрьевичем Трубецким (1667–1750), генерал-фельдмаршалом, отцом знаменитого масона Ивана Ивановича Бецкого.

Олег Платонов пишет, что Гурьевы были из древнего дворянского рода, но князь Петр Долгоруков только один раз упоминает эту фамилию в своей книге, где подробно освещена история практически всех древних аристократических родов России (по другой версии, Гурьевы пробились в высший свет из служилых при Дворе дьяков). Но и этого одного упоминания хватило, чтобы понять причину неожиданного взлета Гурьевых: будущий граф женился на царской родственнице Прасковье Николаевне Салтыковой («престарелой девке, от руки коей, несмотря на ее большое состояние, долго все бегали»), дочери Николая Владимировича Салтыкова (родственников царствующего дома Салтыковых-Романовых) и его супруги княгини Анны Сергеевны Гагариной, которая, в свою очередь, была дочерью уже известных нам по предыдущим очеркам Прасковьи Павловны Ягужинской и Сергея Васильевича Гагарина…

Но это будет потом. Крупнейшими фигурами из рода Гурьевых во время, предшествующее заговору братьев Гурьевых и братьев Хрущевых, был Иван Васильевич Гурьев, генерал-аншеф, полковник (то есть командир) Измайловского гвардейского полка (он умер в 1768 году), который и был с 1745 года смотрителем за Брауншвейгской семьей.

В биографии кавалергардов мы найдем его подробный послужной список:

Иванъ Васильевичъ Гурьевъ, 1693 —, въ Ноябрѣ 1709 года опредѣленъ солдатомъ въ Астраханскій пѣхотн. полкъ и, «будучи въ ономъ, въ 1710 г. находился при атакѣ г. Риги, гдѣ подъ палисадами и *раненъ*, а по взятіи онаго, въ 1711 г., при Высочайшемъ ..... присутствіи былъ на Турецкой акціи подъ Прутомъ, гдѣ *раненъ же* и пожалованъ изъ сержантовъ прапорщикомъ (15 Іюля 1711 г.)». Въ 1712 г. Гурьевъ былъ во всѣхъ походахъ Шведской войны: въ Помераніи, подъ Штетиномъ, въ Голштиніи, въ Финляндіи, въ Швеціи, а по окончаніи Шведской войны былъ въ Персидскомъ походѣ. 15 Мая 1714 г. онъ произведенъ въ подпоручики, а 10 Января 1726 г. въ поручики. 8 Апрѣля 1726 г. Гурьевъ «взятъ въ кавалергарды, въ рангъ капитанскій». При вокареніи Анны Іоанновны подписалъ прошеніе кн. Черкасскаго. 3 Октября 1730 года онъ переведенъ капитанъ-поручикомъ въ лб.-гв. Измайловскій полкъ [1]); 25 Февраля 1735 года произведенъ «по старшинству» въ капитаны и 29 Ноября 1741 г., по вступленіи на престолъ Елисаветы Петровны—въ секундъ-майоры. Въ Мартѣ 1745 г. онъ былъ назначенъ въ Холмогоры на смѣну барона Корфа для надзора содержащейся тамъ Брауншвейгской фамиліи. Передъ отправленіемъ въ Холмогоры Гурьевъ получилъ 29 Марта слѣдующій Высочайшій указъ: «Указъ Нашей лейбъ-гвардіи майору Гурьеву. Указали Мы Нашему камергеру Корфу быть сюда, а при извѣстныхъ персонахъ команду поручить вамъ, а для всякаго случая посылается къ вамъ въ помощь Нашей гвардіи капитанъ Максимъ Вындомскій. По отъѣздѣ вышеупомянутаго Нашего камергера Корфа имѣете вы поступать по Нашимъ указамъ, о чемъ велѣно ему, Корфу, дать вамъ полное наставленіе, сверхъ же того повелѣваемъ вамъ во время наступающаго лѣта принцессу съ мужемъ ея, когда на воздухъ пожелаютъ, выпускать въ имѣющійся въ архіерейскомъ домѣ огородъ и всегда съ ними быть самому или капитану Вындомскому и наблюдать того, чтобы ниоткуда никому постороннимъ видѣть ихъ было невозможно; ходъ въ тотъ огородъ, когда понадобится, отворять, гдѣ есть изъ палатъ, а со двора ворота въ тотъ огородъ наглухо затворить». Въ командѣ Гурьева, кромѣ упомянутаго въ указѣ лб.-гв. Семеновскаго полка капитана Максима Вындомскаго, были: лб.-гв. Измайловскаго полка подпоручикъ Левъ Писаревъ, Пензенскаго полка премьеръ-майоръ Александръ Миллеръ, штабъ-лѣкарь Михаилъ Манзей, нижніе чины гвардейскихъ и армейскихъ полковъ и «дворовые служителя». 12 Іюня 1745 г. Гурьевъ доносилъ изъ Холмогоръ въ «Высокій Кабинетъ», что камергеръ Корфъ сего числа отправился въ Петербургъ и «какъ имѣющуюся здѣсь команду, такъ и извѣстныхъ персонъ» ему поручилъ. Корфъ передалъ Гурьеву инструкціи для содержанія «извѣстныхъ персонъ», а на случай смерти принца Іоанна, онъ получилъ особый Высочайшій указъ. «Какъ вамъ поступать въ такомъ случаѣ, ежели по волѣ Божіей случится иногда изъ извѣстныхъ персонъ кому смерть, особливо же принцессѣ Аннѣ или принцу Іоанну, тогда имѣете учинить по указу Нашему, каковъ объявленъ вамъ отъ Нашего камергера Корфа; а нынѣ въ дополненіе того, въ случаѣ смерти принца Іоанна (ежели ему прежде отца и матери случится),

---

[1]) Въ формулярѣ Гурьева за 1751 г. сказано, что 3 Октября 1730 г. онъ пожалованъ капитанъ-поручикомъ, а въ своемъ прошеніи объ отставкѣ отъ 31 Мая 1762 г. Гурьевъ говоритъ, что въ этотъ чинъ пожалованъ въ 1731 г.

повелѣваемъ вамъ тотчасъ его мертваго показать отцу и матери, чтобы они его видѣли и о томъ, что умеръ, знали, и потомъ (какъ уже показано булетъ отцу и матери) учинить съ умершимъ тѣломъ по силѣ указу, объявленнаго вамъ отъ Нашего камергера Корфа, во всемъ непремѣнно, и сіе повелѣваемъ вамъ содержать въ крѣпкомъ секретѣ. Елисаветъ. Въ 11 день Іюля 1745 г. Въ селѣ Гостилицахъ». 27 Февраля 1746 г. «извѣстная персона» (Анна Леопольдовна) родила сына, и для кормленія ребенка потребовалась кормилица. Гурьевъ, вѣроятно, вмѣстѣ съ Вындомскимъ, составили слѣдующій актъ: «1746 г., Февраля 27 дня, согласно опредѣлили, ибо сего Февраля 27 дня извѣстная персона родила сына, чего-для по крайней необходимости взятую отъ города Архангельска Архангелогородскаго гарнизона, Устюжскаго полку солдата Евдокима Шононова жену его Татьяну Никитину въ кормилицы ко младенцу допустить съ примѣру прежде присланнаго Ея Имп. Величества Высочайшаго позволительнаго указу къ прежде бывшему здѣсь Е. И. В. г. камергеру и кавалеру Корфу о допущеніи-жъ кормилицы въ таковомъ же случаѣ. Иванъ Гурьевъ».

25 Марта 1746 г. Императрица отозвала Гурьева въ Петербургъ, разрѣшивъ ему сдать его обязанности капитану Вындомскому. 1 Мая Гурьевъ передалъ Вындомскому «порученное ему дѣло и команду», а также Высочайшіе указы или копіи съ нихъ (въ числѣ послѣднихъ былъ «указъ секретный, списанный моею рукою»), а самъ возвратился въ Петербургъ.

1 Января 1748 г. Гурьевъ былъ произведенъ въ премьеръ-майоры гвардіи и въ генералъ-майоры, а 25 Декабря 1755 г. въ генералъ-поручики. Въ Январѣ 1762 г. онъ подалъ на Высочайшее имя прошеніе объ отставкѣ и

о томъ, что умеръ, знали, и потомъ (какъ уже показано булетъ отцу и матери) учинить съ умершимъ тѣломъ по силѣ указу, объявленнаго вамъ отъ Нашего камергера Корфа, во всемъ непремѣнно, и сіе повелѣваемъ вамъ содержать въ крѣпкомъ секретѣ. Елисаветъ. Въ 11 день Іюля 1745 г. Въ селѣ Гостилицахъ». 27 Февраля 1746 г. «извѣстная персона» (Анна Леопольдовна) родила сына, и для кормленія ребенка потребовалась кормилица. Гурьевъ, вѣроятно, вмѣстѣ съ Вындомскимъ, составили слѣдующій актъ: «1746 г., Февраля 27 дня, согласно опредѣлили, ибо сего Февраля 27 дня извѣстная персона родила сына, чего-для по крайней необходимости взятую отъ города Архангельска Архангелогородскаго гарнизона, Устюжскаго полку солдата Евдокима Шононова жену его Татьяну Никитину въ кормилицы ко младенцу допустить съ примѣру прежде присланнаго Ея Имп. Величества Высочайшаго позволительнаго указу къ прежде бывшему здѣсь Е. И. В. г. камергеру и кавалеру Корфу о допущеніи-жъ кормилицы въ таковомъ же случаѣ. Иванъ Гурьевъ».

25 Марта 1746 г. Императрица отозвала Гурьева въ Петербургъ, разрѣшивъ ему сдать его обязанности капитану Вындомскому. 1 Мая Гурьевъ передалъ Вындомскому «порученное ему дѣло и команду», а также Высочайшіе указы или копіи съ нихъ (въ числѣ послѣднихъ былъ «указъ секретный, списанный моею рукою»), а самъ возвратился въ Петербургъ.

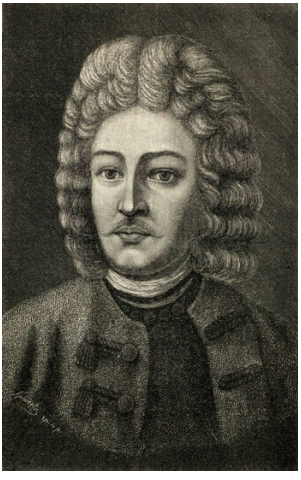
1 Января 1748 г. Гурьевъ былъ произведенъ въ премьеръ-майоры гвардіи и въ генералъ-майоры, а 25 Декабря 1755 г. въ генералъ-поручики. Въ Январѣ 1762 г. онъ подалъ на Высочайшее имя прошеніе объ отставкѣ и

просилъ о награжденіи его чиномъ и дарованіи ему до смерти полнаго содержанія генералъ-поручика, такъ какъ имѣлъ «только за собою дворовыхъ людей 8 душъ». Изложивъ свою службу, Гурьевъ въ своемъ прошеніи писалъ: «Нынѣ же, Всемилостивѣйшій Государь, пришедъ въ слабость моихъ силъ, продолжаючись въ службѣ 53-й, а отъ роду имѣю 69-й годъ, не въ состояніи понесть ни военной, ни гражданской службы... Имѣя отъ Ея И. В. разныя ввѣренныя мнѣ секретныя коммиссіи, которыя исправлялъ всегда усердно съ полученіемъ отъ Ея И. В. милостивой апробаціи, за которыя мои рабскія службы награждаемъ былъ отъ Ея материнскихъ щедротъ генералитетскими чинами, и слышалъ неоднократно изъ устъ Ея И. Вел-ва отзывъ о награжденіи меня по недостатку моему пропитаніемъ, но случай во время державствованія Ея И. В. не допустилъ сего докончить». 31 Мая 1762 г. Императоръ Петръ III положилъ слѣдующую резолюцію на прошеніи: «Въ вѣчную отставку гвардіи подполковникомъ съ чиномъ генералъ-аншефа, а жалованья получать по его прошенію по смерть. *Петръ*» [1]).

Но ближе его ко двору был другой Гурьев — генерал-рекетмейстер (умер в 1770 г.), действительный статский советник (то есть человек, не только входивший в четвертую строчку имперской иерархии того времени, но еще и главное должностное **лицо, принимавшее и докладывавшее прошения и жалобы в Российской империи XVIII века.**) Иван Григорьевич Гурьев.

Его брат Александр Григорьевич, отец будущего министра финансов Дмитрия Александровича Гурьева, секунд-майор лейб-гвардии Измайловского полка, был женат (внимание!) … на Анне Михайловне Еропкиной — родной сестре конфидента Артемия Волынского, Петра Михайловича Еропкина, казненного вместе с опальным кабинет-министром.

У Михаила Матвеевича Еропкина (1663–1721), который был служилым московским дворянином, а происходил от князей Фоминских (одного из колена Рюриковичей), в шестой части родословца «Дворянского сословия Тульской губернии» (в которой обозначены самые древние русские династии) названы его прямые потомки — Николай, Петр, Авдотья, Анна и Алексей.

Петр Михайлович Еропкин

Петр Михайлович, знаменитый архитектор, построивший тот самый Ледяной Дом, в котором была сыграна свадьба камчадалки Буженинoвой и князя Голицына, был, согласно последним генеалогическим изысканиям В. И. и В. В. Мильковых *(«Памятник ему — город», РГАДА. Фонд № 1239. Ед. хр. 1563. Л. 242)*, сыном Михаила Матвеевича Еропкина.

Его родной брат Алексей Михайлович (умер в 1763 году) был женат первым браком на Прасковье Петровне Сумароковой, вторым — на Анне Васильевне Олсуфьевой *(ЦИАМ. Фонд № 4. Оп. 1 Ед. хр. 654. Л. 20–20 об.)*. В 1762 году произведен в действительные статские советники.

Обратим внимание на его жен. Первая — родная сестра масона и драматурга Александра Петровича Сумарокова.

Вторая — родная сестра масона и поэта-переводчика Адама Васильевича Олсуфьева, которой и оставил в отечественной истории сведения о первой русской масонской ложе, членом которой был сам.

И еще одна важная деталь: и Сумароков, и Олсуфьев учились вместе с Петром Ивановичем Паниным в первом наборе Сухопутного шляхетского корпуса, а именно Панин, воспитатель наследника Павла, и был идеологом свержения Екатерины, нарушившей планы масонов по установлению конституционной монархии, которую она им якобы гарантировала в случае своего вступления на престол.

Артемий Волынский, кабинет-министр, третий после императрицы и Бирона человек в Российской империи, был женат дважды. Первый раз — на дочери Льва Кирилловича Нарышкина, двоюродной сестре царя Петра I. Второй раз он женился на сестре… Петра Михайловича Еропкина — Софии.

Так что Сумароковы, Волынские, Олсуфьевы были в свойстве.

И, конечно, не могло быть случайностью то, что другая сестра «конфидента» Петра Михайловича Еропкина вышла

замуж за Александра Григорьевича Гурьева, родным братом которого был генерал-рекетмейстер Иван Григорьевич Гурьев.

Дочь Артемия Волынского, отказав таким блистательным женихам, как сыновья графини А. И. Чернышевой (прямым потомкам Петра I), и даже П. А. Румянцеву (тоже сыну Петра I!), за которого хотела выдать ее сама императрица Елизавета Петровна, не говоря уже о каких-то там князьях А. М. и Д. М. Голицыных (кстати, также поступившими в один год и обучавшихся в Сухопутном шляхетском корпусе вместе с камчатским ссыльным Батуриным, Сумароковым и Олсуфьевым), Мария Артемьевна вышла замуж за избранника, политический вес семьи которого был к тому времени наиболее высоким, — за графа Ивана Илларионовича Воронцова, чья сестра — Дарья Илларионовна — была женой Петра Федоровича Хрущова, однородца еще одного «конфидента» Волынского — Андрея Федоровича и камчатского ссыльного Петра Федоровича Хрущовых.

Д. Г. Левицкий. Портрет Прасковьи Федоровны Квашниной-Самариной (в замужестве Воронцовой)

А родной внук Артемия Волынского — Артемий Иванович Воронцов, крестный А. С. Пушкина, был женат на родственнице еще одного камчатского ссыльного — Ивашкина — на Прасковье Федоровне Квашниной-Самариной (которая была прямым потомком того самого Матвеева, который в качестве сводни привел на российский престол Наталью Нарышкину). Сестра же Артемия Ивановича, о чем мы писали выше, вышла замуж за внука Прасковьи Степановны Гурьевой — Василия Сергеевича Нарышкина, участвовавшего вместе с другими масонами в дворцовом перевороте 1762 года.

Артемий Иванович Воронцов

Не слишком ли много совпадений?

Да и нет никаких совпадений — это четкая генеалогическая линия, построенная на политическом расчете.

И уж коли мы коснулись «фамильного династического братства» Чернышевых, Румянцевых, Голицыных, составляющих, по нашему мнению, единое тайное политическое ядро с «братьями» Воронцовыми, сформированное в России XVIII столетия при прямом участии якобитов, мы постараемся показать, что и они были вовсе не случайными людьми в этом внутрироссийском тайном политическом семейном союзе.

Братья Голицыны были не только сыновьями фельдмаршала Михаила Михайловича Голицына, родного брата главы Верховного Тайного совета Дмитрия Михайловича Голицына, которого императрица Анна Иоанновна уничтожила вслед за Долгоруковыми, уморив в Шлиссельбургской крепости за его конституционные идеи ограничения российского самодержавия, ослабив на время политический вес этих двух родов, связанных многочисленными брачными союзами с царствующими семьями Нарышкиных и Салтыковых.

Михаил Михайлович был женат дважды: первым браком на дочери Кирилла Алексеевича Нарышкина, а вторым браком — на дочери сподвижника и свояка царя Петра I (женат на сестре царицы Ксении Федоровны Лопухиной), знаменитого русского дипломата Бориса Ивановича Куракина, первого постоянного посла России за рубежом и действительного тайного советника.

У Михаила Михайловича было трое сыновей: Дмитрий (названный в честь своего великого дяди), Александр и Михаил.

Александр Михайлович Голицын — старший сын генерал-адмирала, русский посланник в Великобритании, вице-канцлер империи, вице-президент Коллегии иностранных дел, кавалер ордена Александра Невского (1762),

действительный тайный советник (1764), в 1774 году он получил орден Андрея Первозванного, стал сенатором и обер-камергером (1775). У него были незаконнорожденные дети, впоследствии получившие дворянство Де-Лицыны, так вот Дарья-Генриетта Александровна (1761–1828) была замужем за Дмитрием Адамовичем Олсуфьевым (1769–1808), сыном все того же масона Адама Васильевича, о котором мы часто вспоминаем.

Борис Иванович Куракин

Дмитрий Михайлович с 1751 года был женат на светлейшей княжне Екатерине-Смарагде Дмитриевне Кантемир, камер-фрейлине, статс-даме императрицы Елизаветы Петровны,

дочери бывшего молдавского господаря Дмитрия Кантемира, сестра которого была любовницей царя Петра I, а ее родным братом был один из первых русских поэтов, дипломат и масон Антиох Дмитриевич Кантемир.

Их сестра Анна Михайловна Голицына (1699–1727) была замужем за генерал-фельдмаршалом Александром Борисовичем Бутурлиным (фаворитом принцессы Елизаветы, которого из ревности император Петр II отправил служить в Малороссию). Его сын от второго барака с Екатериной Борисовной Куракиной, — Петр Александрович (1734–1789), в крещении Иона, тайный советник, камергер; с 1758 года женат на фрейлине графине Марии Романовне Воронцовой (1738–1765), их дети Дмитрий Бутурлин и Елизавета Дивова (ее сын Николай Адрианович (1792–1869), генерал-майор, участник Бородинского сражения; с 1827 года женат на Зинаиде Сергеевне Кагульской (1811–1879), незаконной дочери графа С. П. Румянцева, был известным масоном).

Дмитрию Петровичу Бутурлину было всего два года, когда умерла его мать, и он воспитывался у своего дяди — холостяка Александра Романовича Воронцова, будущего канцлера Российской империи. Благодаря своему дяде он с юных лет увлекался передовыми воззрениями эпохи Просвещения, был страстным поклонником Вольтера и Руссо. Просил императрицу отпустить его в Париж, где началась революция. Получив отказ, в знак протеста в возрасте двадцати двух лет вышел в отставку. Оставив двор, Бутурлин перебрался в Москву *(Васильева З. В. Усадьба Белкино и Боровский уезд в Отечественной войне 1812 г., сб-к «У истоков российской государственности (Роль женщин в истории династии Романовых): исследования и материалы., Спб, 2010)*.

Любопытны для нас и браки (политические союзы) детей Бориса Ивановича Куракина, игравших в отечественном масонстве важную роль.

Борис Иванович Куракин был женат дважды и имел пятерых детей.

Первая жена с 1691 года Ксения Федоровна Лопухина (1677—февраль 1698), родная сестра Евдокии Лопухиной, первой жены Петра I, умерла от чахотки.

Дочь Татьяна (1 (14) января 1696–1757) — вторая супруга генерал-фельдмаршала князя М. М. Голицына.

Сын, князь Александр Борисович Куракин женился 26 апреля 1730 на Александре Ивановне Паниной (1711–1786), родной сестре Петра и Никиты Ивановичей Паниных, приходившейся, как утверждалось в дореволюционных публикациях, внучатой племянницей светлейшему князю Меньшикову. Ее родная сестра была замужем за другим дипломатом петровского времени, Иваном Неплюевым (дипломат, адмирал).

Татьяна Александровна Куракина (1732–1754) была первой супругой А. Ю. Нелединского-Мелецкого (1729–1804) (русский поэт; тайный советник, сенатор, статс-секретарь Павла I, масон). «Живя в доме своей московской бабки, Нелединский-Мелецкий находился под влиянием и воздействием бытового склада и нравов древней столицы; в Петербурге же для него наступило время влияний в европейском духе. Семейство кн. Куракиных вследствие долгой службы в заграничных посольствах отличалось лоском европейского просвещения. Здесь, кроме Юрия, воспитывались еще несколько сирот мальчиков кн. Куракиных и кн. Лобановых-Ростовских. Княгиня А. И. Куракина пользовалась большим почетом в высшем петербургском обществе; так как брат ее, граф Никита Иванович Панин, был воспитателем великого князя Павла Петровича. Благодаря последнему обстоятельству, молодой Нелединский имел случай бывать в обществе будущего Императора» *(Большая биографическая энциклопедия)*. Второй женой поэта-масона была с 1774 года графиня Анастасия Николаевна Головина (1754–1803), дочь графа Н. А. Головина и А. С. Лопухиной, сестра

Н. Н. Головина и внучка статс-дамы Н. Ф. Лопухиной. Была известна в свете красотой и легкостью нравов. В 1775 году в нее до «сумасшествия» был влюблен граф Андрей Разумовский; после она родила от 16-летнего Степана Сергеевича Ланского (1760–1813) сына Александра Степановича Лавинского (1776–1844), получившего права потомственного дворянства. Была любовницей Н. В. Репнина, их сын генерал-майор Степан Иванович Лесовский (1782–1839), затем С. П. Румянцева (1755–1838), от него имела трех дочерей, носивших фамилию Кагульских.

(И при этом повторяются одни и те же фамилии — Разумовский, Румянцев, Головин, Лопухины).

Куракин, Борис Александрович (1733–1764), гофмейстер, сенатор, президент ряда коллегий, женат на Елене Степановне Апраксиной, дочери масона Степана Федоровича, который был отдан под суд за предательство в пользу Пруссии. После смерти 31-летнего князя воспитание его детей взял на себя его дядя Никита Панин.

Екатерина Александровна Куракина (1735–1802) была замужем за князем Иваном Ивановичем Лобановым-Ростовским, и от них пошли все мужские представители Лобановых-Ростовских в XIX–XX веках, в том числе и А. А. Лобанов-Ростовский, известный масон.

Наталья Александровна Куракина (1737–1798), статс-дама, жена фельдмаршала князя Н. В. Репнина, одного из крупнейших русских масонов.

А вот как складывалась судьба одного из ведущих масонов России Александра Борисовича Куракина *(Википедия)*: «Александр был первенцем князя Бориса Александровича и его жены Елены Степановны, дочери фельдмаршала С. Ф. Апраксина. Незадолго до безвременной кончины отца взят на воспитание братом своей бабушки — Никитой Ивановичем Паниным и привезен из Москвы в Петербург.

Панин собственных детей не имел и, будучи воспитателем великого князя Павла Петровича, поощрял его общение и игры со своим племянником. С того времени князь Куракин сделался одним из самых близких друзей будущего императора, которого в частных письмах величал Павлушкой. Однажды он даже заложил свое имение, чтобы доставить необходимую сумму цесаревичу, нуждавшемуся в то время в деньгах.

В 1766 г. князь Куракин отправлен был для обучения в Киль, в Альбертинскую коллегию, где слушал лекции около года, числясь в то же время при русском посольстве в Копенгагене и получив даже в 1766 г. датский орден. Образование свое довершил в Лейденском университете в компании таких блестящих молодых людей, как Н. П. Шереметев (впоследствии обер-камергер, действительный тайный советник, сенатор), Н. П. Румянцев (будущий министр иностранных дел), Н. Б. Юсупов (дипломат, министр, член Государственного Совета), С. С. Апраксин (единственный сын фельдмаршала, генерал от кавалерии)».

То есть список имен практически не изменился — все та же золотая первая-четвертая строка в Табели о рангах Российской империи, русская политическая элита. Александр Борисович — русский дипломат, вице-канцлер (1796), член Государственного совета (1810), сенатор, канцлер российских орденов (1802), действительный тайный советник 1-го класса (1807).

Так что появление в этом семейном кругу фамилии Гурьевых могло означать только одно: и эта семья вошла в избранный масонский круг, и поэтому столь стремительно пошла вверх карьера Дмитрия Александровича Гурьева, сына простого бригадира, удачно женившегося на Салтыковой, ставшего министром финансов империи и тестем министра иностранных дел России…

В. Боровиковский.
Князь Александр Борисович Куракин

Когда же это могло случиться?

12 января 1722 года для борьбы с коррупцией в стране царь Петр I создает прокуратуру. Генерал-прокурором назначен небезызвестный Павел Иванович Ягужинский, обер-прокурором — Григорий Григорьевич Скорняков-Писарев, который «отлично» зарекомендовал себя перед царем в первом «Деле Лопухиных», подготовив смертный приговор для царевича Алексея.

17 апреля 1722 года Петр I назначает прокурором Коммерц-коллегии, то есть «оком Ягужинского», драгунского майора Сильверста Даниловича Гурьева.

Весьма любопытно, что примерно в это же время прокурором Малороссийской коллегии был назначен гвардии капитан-поручик Михаил Хрущов.

Мы нашли их биографии. Они достаточно рядовые *(«Прокуратура Петра I: истоки создания», Серов Д. О. Прокуратура Петра I)*.

ГУРЬЕВ СЕЛИВЕРСТ ДАНИЛОВИЧ. Службу начал в 1696 г., с 1703 г. в драгунских полках. 7 февраля 1722 г. из армейских майоров назначен экзекутором Сената. **17 апреля 1722 г. назначен прокурором Коммерц-коллегии.** 7 ноября 1726 г. уволен от должности по состоянию здоровья. 22 июля 1728 г. назначен в следственную комиссию о подрядах Ю. С. Нелединского-Мелецкого (отец крупного русского масона). Впоследствии полковник и воевода Симбирской провинции. С 16 апреля 1733 г. отдан под следствие по делу о злоупотреблениях по винному и провиантскому подрядам. 23 апреля того же года отстранен от должности воеводы. 23 марта 1736 г. при учреждении Походного комиссариата назначен одним из пяти обер-кригс-комиссаров. 11 апреля того же года уволен от должности в связи с продолжением следствия по симбирским делам. 18 декабря 1753 г. произведен в бригадиры.

ХРУЩОВ МИХАИЛ СЕМЕНОВИЧ. 1 января 1721 г. из поручиков 2 роты Семеновского полка произведен в капитан-поручики в 4 роту того же полка. **15 июня 1722 г. назначен прокурором Малороссийской коллегии «на нынешней год».** Фактически находился в должности по октябрь 1725 г. В дальнейшем вновь на строевой службе в Семеновском полку, в котором дослужился до майора.

2 января 1732 г. назначен в следственную комиссию о соликамских кабацких сборах. 20 июня того же года командирован в Белгородскую губернию для переписи жителей слободских полков. 16 сентября 1734 г. произведен в бригадиры и назначен в Канцелярию Малороссийских дел при Сенате. С 13 июля 1736 г. глава Башкирской комиссии. 24 января 1737 г. произведен в генерал-майоры. 26 января того же года с должности главы Башкирской комиссии направлен в действующую армию. Впоследствии генерал-лейтенант. 3 марта 1740 г. назначен сенатором. С 20 марта 1741 г. управляющий Ладожским каналом. В связи с причастностью к делу А. И. Остермана 22 января 1742 г. Генеральным судом приговорен к разжалованию в генерал-майоры и направлению «к дальней команде». 22 апреля того же года восстановлен в чине генерал-лейтенанта. 13 сентября 1742 г. направлен в действующую армию в Финляндию. 5 октября 1743 г. назначен для проведения ревизии населения в Московской губернии. 25 июля 1744 г. пожалован шпагой с бриллиантами. Ум. до 1757 г.

Уже в 1726 году Верховный тайный совет, возглавляемый тогда А. Д. Меншиковым, фактически упразднил прокуратуру и прокуроров.

Но этого скоротечного «государственного» озарения могло хватить, чтобы попасть в тайную команду Ягужинского.

Сенатор Михаил Семенович Хрущев был одним из судей Волынского. Князь Петр Долгоруков дает этим судьям такую характеристику: «***…была назначена следственная комиссия, состоявшая из девяти членов; постарались не вводить в нее ни одного немца, чтобы представить обществу видимость непредвзятости. Это были генерал-аншефы Чернышев, Ушаков, Румянцев; генерал-лейтенанты князь Никита Трубецкой (недавно назначенный генерал-прокурором империи и один из застольников Волынского), Михаил Хрущев***

и князь Василий Репнин, тайные советники Василий Новосильцев и Иван Неплюев и генерал-майор Петр Шипов. За исключением одного Репнина, восемь других были угодливыми придворными лакеями, раболепствовавшими перед Бирен и способными на любую низость».

Судя по наличию в этой комиссии большой группы масонов, Волынский и его «конфиденты» были приговорены к смерти тайным обществом, а не Анной Иоанновной. Вероятно, был сговор, так как креатура Волынского не устраивала ни одну из сторон. Или перестала устраивать обе высокие договаривающиеся стороны, которые уже делили между собой власть еще не умершей императрицы Анны Иоанновны…

И в заговоре в пользу Иоанна Антоновича вновь объединяются эти две фамилии — Хрущовых и Гурьевых, которые были всего лишь маленькой частицей большого заговора.

Они просто стали «стрелочниками»…

То есть следствием по делу Хрущовых-Гурьевых занимались сами масоны, которые сводили это делу к банальной пьянке и пьяной болтовне.

А вот и некоторые подробности политического сыска по этому делу от историка *Евгения Анисимова*: ***«Рассмотрим ранжирование преступлений участников дела Хрущова и Гурьевых, совершивших “богомерзкое и злодейское дело”, — так была расценена их попытка организовать заговор.***

Поручик Петр Хрущов. Его вина: “Обличен и винился в изблевании оскорбления величества и что он старался других привлекать к умышляемому им возмущению противу нас и общего покоя, затевая якобы уже он и многих людей имел в своем согласии”.

Поручик Семен Гурьев. Его вина: “Яко сообщник с первым, не токмо в злодейском его умысле соглашался, но и сам других к тому подговаривал с прибавлением от себя разных лживых внушений, из чего во многом в первом допросе, а по обличении от свидетелей и во всем сам признался”.

Копія

2

Всепресвѣтлѣйшая державнѣйшая
Великая Государыня Императрица
Государыня Всемилостивѣйшая.

Нынѣшняго мѣсяца 3 числа Ваше Императорское Величество нам[ъ] нижеподписавшимся изъ устно Всевысочайше указать соизволила, что[бы] мы секретно по самой справедливости ближайшими способами по отпрошеніи травы и тѣхъ Рыбинскихъ произвели слѣдствіе подающей Слухамъ, о умыслахъ противо общей тишины, и благодѣтельствія, между непоторбимо отчаянными людьми; и что мы отпроемъ, оттомъ бы Всеподданнѣйше Донесши Вамъ доклад[ъ] къ Вашему Императорскому Величеству.

Мы держась точно предписанны нам[ъ] Монаршихъ правилъ среди многія раскросы и отыщя отравши Ссыдетелми Отпрошли Осворбленіе

Величества и совершенной Умыселъ къ общему
Возмущенію отъ злыхъ нерассмотренныхъ,

Первой лейбъ гвардіи измайловского полку
Поручикъ Петръ Хрущовъ донесъ мнѣ,
въ изслѣдованіи того оскорбленія и что онъ старался
другихъ привлекать къ намѣряемому имъ возмуще-
нію противъ Вашего Императорскаго
Величества и общаго покоя, дабы какая опасность
у насъ и многихъ имѣлъ въ своемъ согласіи.

Второй инкермоланского пехотного полку
Поручикъ семенъ Гурьевъ явно сообщилъ свѣдѣніе
нѣкоторое о злодѣйскомъ умыслѣ, согласился,
но и самъ другихъ къ тому подговаривалъ съ при-
баволеніемъ отъ себя разныхъ словъ внушеній изъ чего
во многомъ въ переводѣ языковъ а тлокованіи вѣдомостей
и во всемъ самъ путался,

Третей: лейбъ гвардіи измайловскаго полку Капитанъ порутчикъ Иванъ Чураевъ, сдѣлалъ себя съ ними сообщникомъ тѣмъ, что зная ихъ умыслъ объ оном[ъ] ни чего не донесъ, и самъ явно сообщей одной персонѣ отомъ вѣдомъ. Сего обстоятельства своего упростъ утаилъ, а по пытанѣхъ и очныхъ ставкахъ по изобличеніи винился.

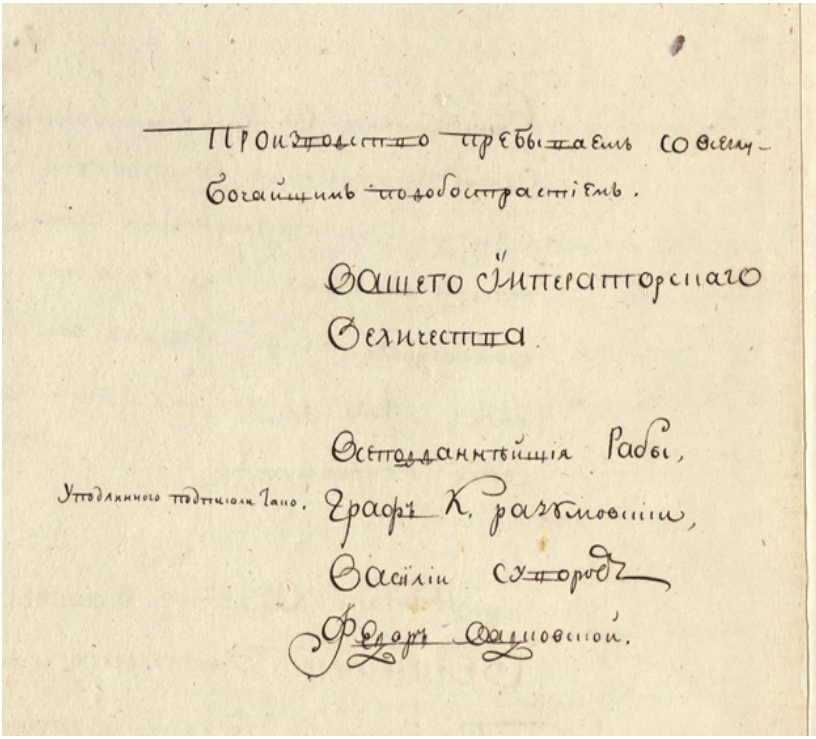
Четвертой: лейбъ гвардіи измайловскаго полку Квартермистръ Иванъ Чураевъ слыша отъ него Хрущова противное ея величества и интерэссамъ Россійскаго Государства злое намѣреніе и возложенное отомъ на него повеленіе не донесъ, а напослѣдокъ объявилъ изъ опасенія.

Отъ частныхъ и добровольного признанія приемъ и винился.

Пятой: Коллежской ассесоръ Алексѣй Хрущовъ изобличаемъ Однимъ доносителемъ Яковлевымъ и онъ его спрашивалъ о общемъ явномъ помянутомъ зломъ намѣреніи, но какъ сообщникъ тотъ ли нѣтъ, а онъ Хрущовъ запирается, что остается одно къ нему подозрѣніе первое явитомъ: что онъ слышавъ отъ шестра Хрущова изъ оторвыхъ доношія слова не доносилъ, Однакожъ сомнительную поставляетъ имѣ важность, потому, что для перевороту объ оныхъ приключаемыхъ того которой нашего долженъ доносить,

Общеписанное; Второе: что онъ пообличаетъ
Однемъ посторонним свидѣтелемъ о
Священіи или подозрительнаго слова покорой
шаго сея дня, и отъ тойже Комиссіи
Повелѣлъ истцу Христову объявить
онъ Алексѣй Христовъ признанія
своего неправосудія.

Милостію Отъ силъ Вашего
Величества Императорскаго
Повелѣнія Всепокорнѣй-
ше просимъ сіе наше

Пребываемъ со всемъ
сочайшимъ подобострастіемъ.

Вашего Императорскаго
Величества

Всеподданнѣйшія Рабы,
Утвержденнаго подписали Такъ. Графъ К. Разумовскій,
Василій Суворовъ
Ѳедоръ Вадковской.

Подписи следователей:
граф Кирилл Григорьевич Разумовский (масон), генерал-поручик Василий Иванович Суворов (отец генералиссимуса, масона А. В. Суворова, крестник и денщик Петра I, следователь по делу Ивана Долгорукова, принимал участие в низложении Петра III, занимался политическим сыском, прадед декабриста Александра Суворова), генерал-поручик Федор Иванович Вадковский (участник дворцового переворота 1762 года, муж Екатерины Ивановны Чернышевой, дед декабристов Александра и Федора Вадковских).

Капитан-поручик Иван Гурьев. Его вина: "Сделал себя им соучастником тем, что, знав их умысел, об оном нигде не донес и сам, яко сведущий другому о том внушал, о чем в первом своем допросе утаил, а во вторичном и на очных ставках, по изобличении, винился".

Квартирмейстер Петр Гурьев. Его вина: "Слышал… противу Нас оскорбительные слова, как и о злом умысле к возмущению, о том не доносил и сначала запирался, а наконец, отчасти изобличен был, отчасти же и добровольное признание принес и винился".

Коллежский асессор Андрей Хрущов. Его вина: "Остался подозрительным в том, что он обличаем одним, но без свидетеля, якобы и он ему сказывал об общем вышеупомянутом злом намерении, и притом он… слышал… некоторые двоякие и сумнительные слова, в чем и одним свидетелем обличаем был".

Теперь рассмотрим приговоры, которые вынес преступникам суд. Приговор Петру Хрущову и Семену Гурьеву гласил: "Лиша чинов, исключа из звания их фамилий и из числа благородных людей… ошельмовать публично, а потом послать их в Камчатку в Большерецкой острог на вечное житье и имение их отдать ближним в родстве". Иван и Петр Гурьевы приговаривались к "отнятию чинов" и вечной ссылке в Якутск. Наконец, Хрущов услышал приговор: "Лишив его всех чинов, жить в своих деревнях, не выезжая в наши столицы".

Итак, прослеживается устойчивая градация преступного состояния: 1) зачинщик, 2) сообщник, 3) соучастник, 4) неизветчик, 5) подозреваемый (подозрительный за недоказанностью). Эго привычное для того времени ранжирование вида причастности к государственному преступлению. Ему соответствуют и понижающиеся по степени суровости наказания. Особенно хорошо это видно в первоначальном проекте решения суда, когда зачинщика

и сообщника приговаривали к четвертованию и отсечению головы, а соучастника и недоносителя — к простому отсечению ГОЛОВЫ. В целом весь сыскной процесс и обосновывающие его законы не входят в противоречие сданным приговором. Зачинщик и сообщник мало в чем различались по степени тяжести».

«…В докладе Сената, одобренном Елизаветой в марте 1753 г., было уточнено, что политическая смерть — это «ежели кто положен будет на плаху или взведен на виселицу, а потом наказан будет кнутом с вырезанием ноздрей, или хотя и без всякого наказания, токмо вечной ссылке». Простым же наказанием признавалось кнутование, вырывание ноздрей, но без объявления помилования. К политической смерти как виду наказания близко шельмование, хотя это и не одно и то же; в приговоре Сената 1762 г. о казни Гурьевых и Хрущова сказано: учинить им «политическую смерть, то есть положить на плаху и потом, не чиня экзекуции, послать в вечную каторжную работу». Однако перед этим двоих из них — Петра Хрущова и Семена Гурьева — на Красной площади публично «по силе Воинского артикула ошелмовать». Казнь шельмованием, появившаяся при Петре I, так же, как и политическая смерть, непосредственно не вела к физической гибели человека, а представляла собой сложный позорящий преступника ритуал, о чем подробно будет сказано ниже. Тем самым его «бесчестили» или «шельмовали», исключая из числа честных людей (шельма — плут, обманщик, негодяй, пройдоха). В указе Петра 1714 г. об этом говорится: «Шел[ь]мован и из числа добрых людей извержен». Авторы указа 1762 г. о казни Гурьевых и Хрущова под шельмованием понимали то же самое: «Исключить их из числа благородных и честных людей».

Последствия шельмования указаны в Генеральном регламенте. Шельмованный исключался из общества, изгонялся

из своей социальной группы, дома, семьи, он терял службу, чины, не мог выступать свидетелем, его челобитные о грабежах и побоях в судах не принимались. Такого человека запрещали под страхом наказания принимать в гости или навещать его — «единым словом, таковый весма-лишен общества добрых людей».

Слово «шельм» (или «шельма») считалось, как слово «изменник», позорящим человека, и называть им, даже в шутку, честных людей означало нанести им оскорбление. Шельмованный терял даже свою фамилию. В приговоре 1768 г. о Салтычихе сказано: «Лишить ее дворянскаго названия и запретить во всей нашей империи, чтоб она ни от кого никогда, ни в судебных местах, и ни по каким делам впредь так как и ныне в сем нашем указе именована не была названием рода ни отца своего, ни мужа». После подобного приговора среди узников Соловков в 1772 г. появился «бывший Пушкин». Это — дворянин Сергей Пушкин, приговоренный к заключению и шельмованный по указу 25 октября 1772 г. В списке 1775 г. о людях, которым было запрещено въезжать в столицы, отмечены ранее шельмованные «бывшие Семен, Иван, Петр Гурьевы».

…Самым знаменитым узником Шлиссельбургской крепости стал бывший император Иван Антонович, живший там в 1756–1764 годах. Содержали этого «безымянного колодника» с большой строгостью. Особенно она усилилась после того, как в 1762 году началось дело Хрущова и братьев Гурьевых, которых обвиняли в намерении возвести Ивана на престол.

Бывший император жил в отдельной казарме. Ее охраняла особая воинская команда во главе с офицерами, которые состояли в непосредственном подчинении начальника Тайной канцелярии. Узник находился безвыходно в камере. Окна ее не были забраны решетками, но их тщательно закрывали и замазывали белой краской, свечи в казарме

горели круглосуточно. Ивана Антоновича держали без оков, спал он на кровати с бельем, в камере стояли стол и стулья. Узник имел цивильную, неарестантскую одежду и, возможно, книги духовного содержания. Ни на минуту его не оставляли одного — караул из нескольких солдат постоянно сидел с ним в камере. Дежурный офицер жил в соседней комнате и обедал за одним столом с узником. Кроме внутреннего караула снаружи был особый внешний караул. На время уборки, которую делали приходившие из крепости служители, секретного арестанта отводили за ширму.

В 1763 году, после приезда в Шлиссельбург Екатерины II, караульные офицеры Данила Власьев и Лука Чекин получили новую инструкцию. Согласно ей, они имели право убить узника, если кто-то попытается освободить его. Такая попытка и произошла в 1764 году. Когда в ночь с 4 на 5 августа подпоручик Василий Мирович с солдатами попытались захватить казарму, в которой сидел Иван Антонович, Власьев и Чекин умертвили узника. В рапорте начальству они писали: «И потом те же неприятели и вторично на нас наступать начали и ограживать, чтоб мы им сдались. И мы со всею нашею возможностию стояли и оборонялись, и оные неприятели, видя нашу неослабность, взяв пушку и зарядя, к нам подступили. И мы, видя оное, что уже их весьма против нас превосходная сила, имеющегося у нас арестанта… умертвили».

«Свидетельства современников, в том числе приведенные в этой книге, также подтверждают применение телесных наказаний в Тайной экспедиции; не случайно Потемкин, встречаясь с Шешковским, спрашивал его, как тот "кнутобойничает". Так, по приказанию Екатерины 6 октября 1762 года был подвергнут пытке — "для изыскания истины с пристрастием под батожьем распрашиван" — Петр Хрущов, а потом Семен Гурьев; в данном случае речь

шла не о пьяных мужиках, а о гвардейцах, пытавшихся "повторить" дворцовый переворот уже с целью устранения самой Екатерины II. В ряде процессов также имеются косвенные указания на применение пыток *(Сивков К. В. Тайная экспедиция, ее деятельность и документы. С. 106–107)****. Как правило, по конкретным делам следователи получали высочайшие директивы: использовать угрозу пытки для давления на подследственных, не применяя ее».***

«Память о свержении младенца-императора пережила и переворот 1762 года. Первые годы на троне были для Екатерины II, пожалуй, более тревожными, чем для Елизаветы, — немецкая принцесса София Фредерика Августа не была дочерью Петра Великого, никаких прав на престол не имела, да и гибель мужа-императора легла пятном на ее репутацию.

Материалы Тайной экспедиции дают возможность представить общественную атмосферу после переворота. Уже в августе 1762 года отставной прапорщик Прохор Лазарев из Пскова заявлял, что "взбунтовался лейб-гвардии Преображенской и лейб-кирасирской полки и в подданстве быть не хотят", к тому же "бывшего правления принц Иоанн найден". Присланный в столицу по распоряжению Панина отставник божился, что все это ему рассказывали конногвардейцы, действительно опасавшиеся нападения соперничавших полков *(Сивков К. В. Тайная экспедиция, ее деятельность и документы. Оп. 2. № 2068. Л. 3, 7, 13 об)****.***

Прусский и французский дипломаты уже в 1762 году отмечали существование оппозиции фавориту императрицы Григорию Орлову и его братьям, против которых интриговали недавние друзья и сторонники. Так, в дни коронационных торжеств возникло дело поручиков Петра Хрущова и Семена Гурьева, намеревавшихся посадить на престол "Иванушку". Инициатива ограничилась "матерной

бранью" в адрес императрицы и похвальбой в "велием пьянстве"; но власть отреагировала всерьез: виновные были "ошельмованы", лишены дворянства и отправлены на Камчатку *(Курукин И. В., Никулина Е. А. Повседневная жизнь Тайной канцелярии XVIII века. М., 2008. С. 85)***.**

…С подобными заговорами столкнулась и вступившая в июне 1762 года на престол Екатерина II. По многим обстоятельствам дело гвардейцев Петра Хрущова и братьев Гурьевых, начатое в октябре 1762 года, напоминает дело Турчанинова. Опять у власти был узурпатор — на этот раз совершившая государственный переворот Екатерина II, опять (причем — тот же самый) сидящий под арестом экс-император Иван Антонович, снова горячие застольные разговоры измайловских офицеров братьев Гурьевых. Они, участники успешной "революции" 1762 года, недовольны своим положением и завидуют братьям Орловым — те ведь сразу стали вельможами, а они по-прежнему не у дел и без денег. Власть, узнав о заговоре и арестовав заговорщиков, была встревожена как зловещими слухами в обществе о подготовке нового переворота, так и показаниями самих арестованных, говоривших, что "у нас-де в партии до тысячи человек есть", что "солдаты армейских некоторых полков распалены". Учитывая потенциальную опасность заговора, Екатерина II поступила для себя необычно сурово: братья Гурьевы и Петр Хрущов были приговорены к смерти, но потом сосланы в Сибирь. Однако не прошло и двух лет, как снова возникла опасность государственного переворота. Подпоручик В. Я. Мирович пытался освободить из Шлиссельбургской крепости свергнутого в 1741 году императора Ивана Антоновича.

Почти всегда решение о смягчении участи казнимых принималось заранее, но объявление об этом оставляли на последний момент. С одной стороны, власти хотели

напугать толпу предстоящей неминуемой жестокой казнью, а с другой стороны, хотели поразить народ своим бесконечным милосердием даже к отъявленным преступникам. Для казни Гурьевых и Хрущова в 1762 году Екатерина II составила своеобразный сценарий: "Приготовить преступников к им по законам принадлежащему воздаянию, а полиции оное публично совершить… А между тем весь город будет в ожидании, чего одно немалаго страха произведет в народе, и никому без изъятия не должно открывать, что при самом исполнении экзекуции Корфу *(директору полиции. — Е. А)* ***в карман дан будет указ облегчительный…"***

От тюрьмы до места казни приговоренного сопровождал конвой. Начальник конвоя назначался особым указом заранее, и его миссия была очень важной: вся ответственность за проведение экзекуции и порядок на месте казни лежали на нем. До наших дней дошла одна из таких инструкций начальнику конвоя. Так, в день казни братьев Гурьевых и Петра Хрущова в Москве гвардейский офицер, назначенный начальником конвоя, должен был явиться к сенатору В. И. Суворову и "требовать известных преступников письменно". Оформив прием и получив приговоренных на руки, он назначал к каждому из преступников по восемь солдат и одному сержанту под командой офицера. Другие солдаты вставали в каре вокруг преступников. Следовал сигнал, и под бой барабанов начиналось движение к лобному месту».

Июля 10

Божиею милостию мы Екатерина
Вторая Императрица и Самодержица
Всероссийская, и прочая, и прочая, и прочая,

Всем верно нам подданным
Объявляем

Каждой отдавать разумной благонамеренной
сын отечества что власть надним[ъ] тре
держащая, для его[е] добра уставлена Бога,
которой они повиноватся должен для —
своего исполненя слова благодеятеля, тогда
неисполнители онымю противляющейся Бог
мню нарушители общаго покоя, суть та
ние преступники которых слово Божие
изаконя гражданской осуждает быть
Подлинной подписал[ъ] нетолко извергами своего отечества з
нонорода человеческой непотримыми,
мы моей[ъ] неотхалившися. пред Б —
гоголи[ъ] щолк[ъ] ответ[ъ] сказать, что о —
дни Божией приняли всероссийской престо
ненасов собственное удололствие но —
наразширение славы его и научреж[е]
ние добраго порядка и утверж[е]ние
правосудия вовекы нашем[ъ] —
отечеств[ъ]. щем[ъ] достохвалном[ъ] —
намерени[ъ] мы приступили неслово
нопстинным[ъ] дело[ъ] подобре общем[ъ]
ежеднивно течения едино толко[е]

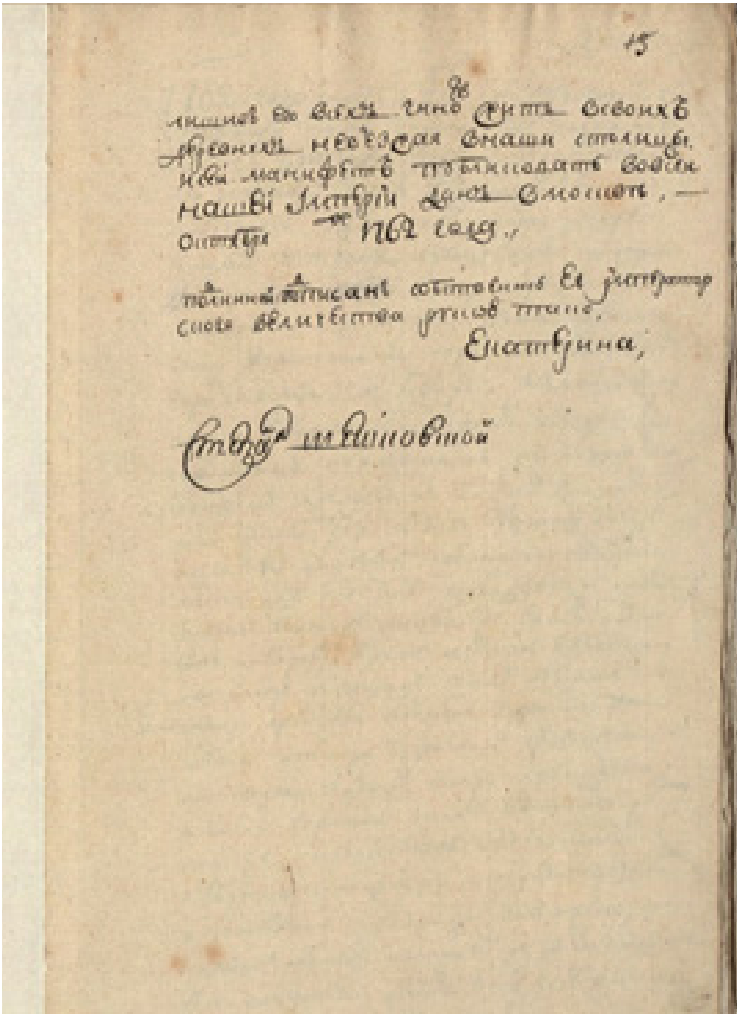
Сентября 24
1762 го

//

по внешнему его благостию, здравостию
всей исповедующих нашихъ тайнъ,
приимлемая от сея созданныя видимыя
внутренняя тишина исправленнаго нашея
жизни, тишина, тишиною сердца
спасай мя Христе Боже сотвори тебе
исполнитися тишины мя исполни,
исполнитися всякого сего всея радо-
вания, потщихся нашими тщетными
всякими наслаждении истребити
нашими сердцами нашими всякими
нашими дѣлесными страстными роды
тишине несогласныя дѣти, которыя
возникаютъ свое имѣти благочестие
истинное нетленные тщательные изо-
бретатели своея злонравныя нощи
сотни своея вражныя злобы трезвен
страхъ Твой имѣющия отступити
временнаго своего суетности,
тленныя изгнати всякое сребролюбие,
истребивъ тайныя очеса тщеле-
сла изъискрение нашего естества,
истинѣ разумно сознавающия тихости
Твоей временнаго нами нарядъ Твое
благочестие, которыя мя благочестно
тщатися смиренномудрие, =
Мя сия сего сподоби отъ тебе тайнствуе-
творити имѣя сладкия отъ Твоего
человѣколюбия щедроты, нашей обще
[illegible]

[illegible] [illegible] [illegible] [illegible]
[illegible] [illegible] [illegible] [illegible]
[illegible] [illegible] [illegible] [illegible]

нашей Кловилювивой Церкви нашего Архипастыря
Высокопреосвященнаго, Отца и Пастыря наилюбезнаго
Духовнаго сыновства ради, Сего Высокаго Сана Сподобился с Священнымъ Молитвословіемъ Архіерейскаго
Отца нашего Преосвященнѣйшаго Архіепископа
Подольскаго Преосвященнѣйшаго Викарія Преосвященнѣйшаго Епископа
Преосвященнѣйшаго Викарія Подольскаго
Преосвященнѣйшаго Викарія Подольскаго
и Брацлавскаго Викарія Подольскаго
и Брацлавскаго Викарія Подольскаго
и Брацлавск

…Десять лет провели Петр Хрущов и Семен Гурьев в камчатской ссылке. Впоследствии Петр Федорович примкнул к Большерецкому бунту 1771 года и бежал с Камчатки с Беньевским, но это уже другая история.

Семен Гурьев отказался от участия в этом новом заговоре и был впоследствии возвращен Екатериной II из ссылки в серпуховские деревни своих братьев, также помилованных императрицей. На Камчатке он женился на внучке ссыльного Козьмы Секирина, и в этом браке у него было две дочери, которые рано остались без родителей и воспитывались тетей — Матреной Селиверстовной Гурьевой.

2 сентября 1793 года своим Указом Екатерина II повелела «детям помянутого Гурьева 2-м дочерям пользоваться правом дворянства отца», которого сам он был лишен в 1762 году.

А помогло в этом Матрене Селиверстовне, обратившейся с просьбой к императрице, дело Бывшего Пушкина, дальнего родственника Александра Сергеевича, фальшивомонетчика, который был лишен дворянского звания и сослан в Тобольск, куда за ним добровольно отправилась в ссылку и жена, Наталья Абрамовна, урожденная княжна Волконская, и где появились на свет две дочери, которые не могли быть по вине отца дворянками.

Но в память о князе Сергее Абрамовиче Волконском, брате Натальи Пушкиной, сложившем свою голову под Очаковым, императрица даровала дворянство и фамилию Пушкиных дочерям Бывшего Пушкина или НеПушкина — Варваре и Екатерине. Варвара впоследствии стала княжной Гагариной, а ее дочь Мария — Бутурлиной. Ее сыном был тот самый князь Иван Гагарин, который вместе с князем Петром Долгоруковым и супружеской парой Гурьевой-Нессельроде обвинялся в создании диплома рогоносца, присланного Александру Сергеевичу Пушкину и послужившего одной из причин трагической дуэли на Черной речке.

В Российском государственном архиве древних актов сохранились бумаги того времени. Но о дальнейшей судьбе дочерей Семена Гурьева нам пока ничего не известно…

Сестра бывшаго Семена Гурьева дѣвица Матрена Гурьева просила высочайшей вашего императорскаго величества милости, чтобъ двумъ племянницамъ ея рожденнымъ отъ брата ея позволить пользоваться правомъ дворянства.

Ваше императорское величество повелѣть соизволили выправить былые нашего пужнары, и особливо сообразить оныя пожалованныя дворянствомъ отцомъ бывшаго пушкина то просьбы ихъ матерей.

Сей Матрены братъ родной Генералъ Маіоръ князь Волконской засвидѣтельствовалъ службу свою продовѣю лишась жизни на штурмѣ Очаковскомъ, а бывшему Семену Гурьеву развѣ что приписать тожно можно въ одобреніе, что онъ во время тебывания его въ большерецкомъ остроге когда отпрылося тамъ мышлятное возмущеніе, что онъ совсѣмъ непристойствъ исполнялъ.

Единое всемилостивѣйшее вашего императорскаго величества милосердіе удобно только возставить благодѣтельствіе помянутыхъ двумъ его дочерямъ, и потому прошеніе матери ихъ ежели удостоится высочайшаго вашего величества благоволенія, то монаршее ваше соизволеніе можетъ изъявлено быть въ указѣ такова моя.

умершій Братъ ее былъ въ Камчаткѣ женился
на дочери Ивана Секирина тамъ же рожден-
наго отъ сосланнаго Козмы Секирина, отъ
помянутый Самен Гурьевъ прижилъ одну дочь,
которой теперь 19 лѣтъ, а другая рождена
по возвращеніи его изъ камчатки, которой
17 лѣтъ и у нее воспитаны, она ихъ купно
съ матерью ихъ мнѣ представляла и дѣ-
вицы весьма изрядные.

Съ совершеннымъ почтеніемъ и предан-
ностію имѣю честь быть

Милостивый Государь мой!

Вашего Высокопревосходительства

покорнѣйшій слуга
Петръ Рычковъ

Мая 25 дня
1764 года
Москва

Его Высокопревосх: Самойлову.

Отъ имени Вашего Императорскаго Величества всемилостивѣйшая государыня всеподданнѣйше доноситъ: Ея Величество имѣетъ отъ Васъ благополучно.

Реляція

Кѣев императорскому величеству всепресвѣтлѣйшей державнѣйшей великой государынѣ императрицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ самодержицѣ всероссійском государынѣ всемилостивѣйшей

Отъ генерал-губернатора княз. Волконскаго. Писмо отправлено чрезъ нарочнаго Ингерманландскаго пѣшаго полку декабря 16 дня 1777 года.

Всемъ вашего императорскаго величества всемилостивѣйшаго указа заповѣданныхъ отсюда отнятыхъ 1767, 1768 годовъ вновь дѣлежъ; нынѣ[?] какие мнѣ изволите повелѣть дѣлать, о томъ Вашему императорскому величеству благоволите всеподданнѣйше донесть. Коликое мнѣ изволите повелѣть количество отправлять изъ семей; которое пишется сего отправленнаго сыну здѣшняго подлинника для отправленія Вашему величеству сего генваря 1778 года, западнаго здѣшняго намѣстника, отставнаго опытнаго Каталонскаго полку полковника кавалера.

Реляція.

Къ Ея Императорскому Величеству, Всепресвѣтлѣйшей Державнѣйшей Великой Государынѣ Императрицѣ Екатерине Алексѣевнѣ Самодержицѣ Всероссійской Государынѣ Всемилостивѣйшей.

Отъ Генералъ Поручика и Императорскаго Величества и Кавалера Бима: Отправленная изъ Бѣлостока Кавалерійской почты сентября 16. дня 1793. года.

Къ VI разряду

По силѣ Всемилостивѣйшаго Вашего Императорскаго Величества Отъ 19го ноября прошлаго года данного мнѣ указа: нынѣ поворотившемся изъ Литвина бывшіе тамъ Войска и Ваши и Прусскіе Вѣдомства, поздравляю съ ихъ въ пользованной силѣ здѣсь моихъ подданныхъ, для Отправленія Ваших дѣлъ Регенти. Отправленъ Отъ меня Надлежащимъ Присмотромъ къ Благополучной Господинѣ Бѣлостокѣ: а подъ и Братъ ихъ Семенъ Ѳедоръ Ей и Спасителю помнѣ Приношеніе, что Небо Благополучное Присмотромъ Вдѣлетни Благобѣгъ Благословенно Подданнѣйшихъ моею должностію Отправить я не премину.

Изъ дѣлъ Козмина
сдат. кат.
Связка 23
№ 16

Высокопочтенный Господин Архимандрит
Многих лет Вашего Высокопреподобия
Я покорнейше прошу Ваше Высокопреподобие
Милостивое расположение ко мне иметь
Вам желаемое здравие и благополучие
Вашего Высокопреподобия слуга
Архимандрит Василей Стрижевский

Февраля 3 дня
1775 года

№ 85

Всемилостивейшая Государыня!

Дочь сестры покойного Семена Ушакова, сына бывшего Устюжского, высочайшею Вашего милостью возвращенного изъ Камчатки, по минованіи срока опредѣленнаго, вскорѣ по возвращеніи скончавшагося жизнь свою и оставившаго послѣ себя жену и двухъ дочерей, принадлежащихъ по священническому чину Вашему, осмѣлилась просить о сихъ несчастныхъ. Весьма совѣстно, что Ваше Императорское Величество первыя сея услужливости почитать изволите объ прошеніи милостивомъ приклонять свое собственное Ваше покровительство страждущихъ вдовъ и сиротъ и во пресѣченіи благотворительную Вашу руку помощи для отдаленія погруженныхъ на вѣки въ несчастіе, которыя поросли народа, отнимаютъ несчастную свою жизнь. Человѣколюбивая Монархиня! кто обогрѣетъ или обрѣлъ сиротскія жизни? къ кому онѣ прибѣгутъ и на кого воззрятъ утѣшенія свои? на Твой священный милосердый Матерь всѣхъ Твоихъ подданныхъ, животворящій оку Твоего взоръ на нихъ, отнявши отъ нихъ попеченіе милостивое имѣло ихъ недостойныхъ.

дарей имѣ новое, не постыдное и истинное бытіе. Всемилостивѣйшая Государыня! сіемъ и ободрясь мыслію моею, осмѣлюсь Тебѣ отнесть на Твой всегда и сердца Твоего сихъ несчастныхъ, простой и полной милости отъ Твоей обычной отвѣтъ со всенижайшею моею Твоихъ подданныхъ.

Всемилостивѣйшая Государыня!

Вашего Императорскаго величества

Вѣрноподданнѣйшій рабъ
и
смиренный Державинъ

марта 30 дня,
1794 года.
Москва.

Но известно другое. Министр финансов Российской империи Дмитрий Александрович Гурьев остался в истории как лицо, имеющее непосредственное отношение к «гурьевской каше», и крупнейший казнокрад.

Но настоящую историческую кашу заварила его дочь Мария Дмитриевна Гурьева, вышедшая замуж за Карла Нессельроде (с 1823 года вице-канцлер Российской империи, с 1844 года — канцлер). Язвительный Ф. Вигель, оставивший в своих «Записках» уничижительные характеристики многих влиятельных представителей своей эпохи, писал об этом браке: «Вот чем сумел он тронуть сердце первого гастронома в Петербурге, министра финансов Гурьева. Зрелая же, немного перезрелая дочь его, Марья Дмитриевна, как сочный плод, висела гордо и печально на родимом дереве и беспрепятственно дала Нессельроде сорвать себя с него. Золото с нею на него посыпалось: золото для таких людей, как он, то же, что магнит для желез».

То есть этот брак был политическим расчетом. В таком случае Нессельроде — будущий канцлер Российской империи — попал в «десятку».

Ее общественное влияние было огромным. Вот, например, мнение барона М. А. Корфа: ***«С суровою наружностью, с холодным и даже презрительным высокомерием ко всем мало ей знакомым или приходившимся ей не по нраву, с решительною наклонностью владычествовать и первенствовать, наконец, с нескрываемым пренебрежением ко всякой личной пошлости или ничтожности, она имела очень мало настоящих друзей, и в обществе, хотя, созидая и разрушая репутации, она влекла всегда за собою многочисленную толпу последователей и поклонников; ее, в противоположность графу Бенкендорфу, гораздо больше боялись, нежели любили. Кто видел ее только в ее гостиной прислоненную к углу дивана, в полулежачем положении, едва приметным движением головы встречающую входящих, каково бы ни***

было их положение в свете, тот не мог составить себе никакого понятия об этой необыкновенной женщине, или разве получал о ней одно понятие, самое невыгодное».

Князь Петр Долгоруков был еще более конкретен: ***«… женщина ума недальнего, никем не любимая и не уважаемая, взяточница, сплетница и настоящая баба-яга, но отличавшаяся необыкновенной энергиею, дерзостью, нахальством и посредством этой дерзости, этого нахальства державшая в безмолвном и покорном решпекте петербургский придворный люд, люд малодушный и трусливый, всегда готовый ползать перед всякою силою, откуда бы она не происходила, если только имеет причины страшиться от нее какой-нибудь неприятности»***.

Согласно воспоминаниям князя П. П. Вяземского, ***«ненависть Пушкина к этой последней представительнице космополитического олигархического ареопага едва ли не превышала ненависть его к Булгарину»***.

За что же Александр Сергеевич возненавидел столь влиятельную особу?

Наверное, за то, что она сама весьма последовательно и весьма хладнокровно его травила: Пушкин написал эпиграмму на ее отца. То есть нанес ей лично общественное оскорбление. Хотя сегодня авторство Пушкина оспаривается, но дыма без огня не бывает:

Встарь Голицын мудрость весил,
Гурьев грабил весь народ,
Аракчеев куролесил,
Царь же ездил на развод.

Но, скорее всего, эта эпиграмма была лишь поводом. Поводом для расправы над великим русским поэтом. Который при всем своем величии был простым человеком. То есть человеком со своими слабостями, на которых можно было сыграть.

Главной слабостью Пушкина была его жена Наталья Гончарова, которая не стала поэту другом и единомышленником.

Она была обыкновенной женщиной. И этой женщине хотелось блистать в высшем свете, нравиться мужчинам, ловя их восхищенные взоры.

А Жан Дантес, убийца Александра Сергеевича Пушкина, приходился родственником Карлу Нессельроде.

Согласно воспоминаниям П. В. Нащокина, графиня Нессельроде, разумеется, без разрешения поэта (в этом и заключалась афера), отвезла Наталью Пушкину в Аничков дворец на бал, где та «очень понравилась императрице». Но сам Пушкин «ужасно был взбешен, наговорил грубостей графине».

В ходе интриги графиня была «поверенной сердечных тайн» Дантеса.

Она была посаженной матерью на свадьбе Дантеса с Екатериной Гончаровой, родной сестрой Натальи.

Пушкин и ряд его друзей подозревали графиню Нессельроде в сочинении диплома рогоносца. А. И. Тургенев 17 февраля 1837 года записал в дневнике: «Подозрения. Графиня Нессельроде». Позже появилось сообщение, что однажды за обедом в Зимнем дворце император Александр II сказал: «Ну, вот теперь известен автор анонимных писем, которые были причиной смерти Пушкина; это Нессельроде».

Вечер и ночь после дуэли супруги Нессельроде провели у Геккерна, покинув его дом лишь в час пополуночи. Когда весь Петербург отвернулся от дипломата, Мария Дмитриевна пригласила Геккерна на званый обед. Князь Вяземский писал А. Я. Булгакову: «Под конец одна графиня Нессельроде осталась при нем, но все-таки не могла вынести его, хотя и плечиста и грудиста и брюшиста».

Все это так. И все это не совсем так или совсем не так.

Вот мнение другого рода: «Она была представительницей той международной олигархии, которая влияла на политику и дипломатию через своих единомышленников в салоне князя Меттерниха в Вене и здесь, в Петербурге, в доме министерства иностранных дел.

Мария Дмитриевна Нессельроде, плохо говорившая по-русски, вся проникнутая идеями австрийской политики, никак не связанная с русской культурой, дружившая с такими грязными интриганами, как Геккерен, бесстыдная и циничная, была ненавистна Пушкину. Она была достойной спутницей своего супруга, графа Нессельроде, лакея Меттерниха.

М. Д. Нессельроде инстинктивно чувствовала, что Пушкин является выразителем какой-то иной культуры, глубоко враждебной тому международному осиному гнезду, в котором велась проповедь Священного союза. Мадам Нессельроде была, по уверению мемуариста, «совершенным мужчиной по характеру и вкусам, частию по занятиям, почти и по наружности». Барон Корф в своих записках говорит, что ее вражда была «ужасна и опасна». И вот она-то и стала главным врагом поэта. Она-то и повезла тайно от Пушкина его жену в Аничков дворец на интимный бал для удовольствия Николая Павловича Романова» (Г. И. Чулков. Жизнь Пушкина. М. 1999. С. 77).

То есть Нессельроде сталкивали лбами в некой любовной интриге (о которой судачат по сей день) одинаково ненавистных международному масонству императора Российской империи и великого русского поэта-патриота.

И становились фактическими властителями этой империи. Поражение России в Крымской войне — это тоже подлое дело клана Нессельроде-Гурьевых и их единомышленников…

Если продолжить брачно-политический пасьянс, то карты лягут так: женой Николая Дмитриевича Гурьева с 1819 года «была Марина Дмитриевна Нарышкина (1798–1871), фрейлина двора (1819), старшая дочь обер-егермейстера Дмитрия Львовича Нарышкина и Марии Антоновны Четвертинской, пользовавшейся расположением Александра I. Нарышкин признал ее своей дочерью и ей одной оставил свое состояние».

Тайный советник Николай Дмитриевич Гурьев, русский посланник во многих европейских государствах. Единственный русский, запечатленный на портрете Ж. Энгра (хранится в Эрмитаже)

А дочь его брата, известного масона, Александра Дмитриевича Гурьева, Мария была замужем с 1837 года за генерал-майором князем Александром Борисовичем Куракиным (1811–1870).

Опять одни и те же имена.

А вот и последний штрих: «Куракин был сослуживцем и близким другом Ж. Дантеса, наряду с которым входил в ближайшее окружение императрицы Александры Федоровны. Князь П. А. Вяземский писал, что Куракин соболезновал по поводу высылки Дантеса из России:

«У них достало бесстыдства превратить это событие в дело чести партии, в дело чести полка. Они оклеветали Пушкина, и его память, и его жену…»

КАМЧАТСКИЕ ССЫЛЬНЫЕ
≡ТАЙНАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ≡

С. И. ВАХРИН

МАСОНСКИЙ ЗАГОВОР

Часть V

БРАТЬЯ ГУРЬЕВЫ

ООО « Свое издательство»
199053, Санкт-Петербург,
ул. Репина, 41
Телефон: (812) 900–21–45
Сайт: isvoe.ru
Почта: editor@isvoe.ru
Заказ № 1915–5
Подписан в печать 02.10.2017
Тираж 100 экз.

Отпечатано в собственной типографии
ООО «Свое издательство»